

УДК-14

Гуляев П.С.

Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (Москва)

**Ф.А. СТЕПУН О РЕВОЛЮЦИИ
КАК «БОЛЕЗНИ ПРЕРЫВА ЭВОЛЮЦИИ»**

P. Gulyaev

Academy of Professional Development and Retraining of Educators (Moscow)

**F.A. STEPUN ON REVOLUTION
AS "DISEASE OF INTERRUPTING EVOLUTION"**

Аннотация. В статье проводится философский анализ воззрений Ф.А. Степуна относительно социальной революции в России начала XX в. Отмечается, что концепция революции Ф.А. Степуна рассматривает это явление с позиций духовной культуры, борьбы идей и идеологий, чем существенно отличается от марксистского видения этой проблемы. Фиксируются основные концептуальные положения концепции Ф.А. Степуна: относительно природы социальной революции, механизмов её реализации, движущих сил, зарождения контрреволюции, постреволюционного сознания и т. д. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что основную причину революции Ф.А. Степун видел в распаде единства национального сознания.

Ключевые слова: Ф.А. Степун, социальная революция, идеология, исторический процесс, «метафизическое малодушие», «культурно-политическая инфляция».

Abstract. The article presents a philosophical analysis of F.A. Stepun's views on social revolution in Russia in the early 20th century. It is noted that F.A. Stepun's concept of revolution examines this phenomenon from the standpoint of spiritual culture, the struggle of ideas and ideologies, which differs greatly from Marxist vision of the problem. The article reveals the basic ideas of F.A. Stepun's theory such as the nature of social revolution, mechanisms for its implementation, driving forces, counter-revolution emerging, post-revolutionary consciousness, etc. The research allows of stating that F.A. Stepun saw the main cause of the revolution in splitted national consciousness.

Key words: F.A. Stepun, social revolution, ideology, historical process, «metaphysical cowardice», «cultural and political inflation».

Фёдор Артурович Степун (1884-1965) – яркий представитель философской мысли России, современник многих социальных потрясений, выпавших на долю нашего Отечества в начале и середине XX века [2, с. 112-137]. Участник Первой мировой войны, в 1917 г. он исполняет обязанности начальника политуправления при военном ведомстве во Временном правительстве, «непрерывно носясь по фронту, защищая в армейских комитетах свои резолюции, произнося речи в окопах и тылу, призывая к защите Родины и революции и разоблачая большевиков» [5, с. 19]. Он понял, что большевизм – это «географическая бескрайность и психологическая безмерность России» [6, с. 154-166]. «Это русские «мозги набекрень»,... это дикое «улюлюкание» наших борзятников, но это и культурный нигилизм Толстого во имя последней правды и смрадное богоискательство Достоевского» [6, с. 154-166]. Было ясно, что большевизм – «одна из глубочайших стихий русской души: не только её болезнь, но и её преступление» [7, с. 258]. «Большевики же – совсем

© Гуляев П.С., 2012.

другое: всего только расчётливые эксплуататоры и потакатели большевизма. Вооружённая борьба против них всегда казалась бессмысленной – и бесцельной, ибо дело было всё время не в них, но в той стихии русского безумия» [7, с. 258]. Такова была его мировоззренческая позиция: идейное неприятие большевиков и большевизма, но «отказ от вооружённой борьбы с ними». Подобная непримиримая позиция привела к тому, что он был выслан в 1922 г. за пределы Советской России. Наступили долгие годы вынужденной эмиграции. На Родину он уже не вернулся, но вернулись его метафизические идеи, философские работы, знакомство с которыми небесполезно и для понимания социальных процессов настоящего.

Одной из постоянно волновавших его тем была социальная тема – проблема революционных событий в России. «... Моя концепция революции, – писал Ф.А. Степун, – по существу, как мне кажется, самоочевидная и лишь внешне, быть может, несколько неожиданная и парадоксальная» [7, с. 497]. Цель данной статьи состоит в концентрированной теоретической характеристике основных положений его концепции. Следует отметить, что «концепция революции» Ф.А. Степуна была совсем не похожа на марксистскую, основанную на экономических противоречиях производительных сил и производственных отношений, учении о классовой борьбе, социальных антагонизмов, революционных ситуаций и т. д. Природу революций Ф.А. Степун искал не в экономической (материальной) сфере жизнедеятельности общества, он полагал, что любая революция воспринимается нами как собственная духовная жизнь, как наша ответственность за неё. Очевидно, что уже здесь идёт отказ от экономических и социальных предпосылок в понимании социальных революций, уход от классовой борьбы и подмена их «душой культуры». Но если при всех явных раз-

личиях этих концепций сконцентрировать исследовательское внимание на их общих, взаимодополняющих аспектах, то можно получить нестандартный теоретический взгляд по данному вопросу.

Концепция революции Ф.А. Степуна начинается с определения исходного понятия «революция». Революция в широком смысле слова – это сложный узел различных исторических, экономических, социокультурных и прочих тем (тема сорванной революцией эволюции, тема зарождающейся контрреволюции, тема постреволюционного сознания и т. д.). В узком смысле слова – это революция как таковая, «именем которой мы называем всё созвучие» [7, с. 475]. В названной концепции исследуется узкий подход, который и позволяет выявить «религиозный смысл революции», рассмотреть её как событие в духовной жизни, во внутренней судьбе человечества.

Важное место в его «концепции революции» отводится пониманию сути исторического процесса и смысла революции. Для Ф.А. Степуна, как идеалиста, «сущность исторического процесса заключается в постоянном переоформлении сверхисторического содержания жизни», «смысл человеческой истории заключается в реализации связи между абсолютным и относительным, небесным и земным, Богом и человеком», и «без утверждения реальности этой связи процесс истории вообще не может быть осмыслен» [7, с. 480-481]. Иными словами, исторический процесс есть «осмысливание, обессмысливание и переосмысление жизни». Ф.А. Степун писал, что смысл революции заключается в общественном сознании не только в свободе, но в чём-то большем: «даже и не ради свободы слова, как и не ради человеческих и гражданских прав, брались они за тяжёлую борьбу, но ради чего-то много большего», чего-то «в глубине их бессознательного, скрытого от них самих» [4, с. 142]. «Свобода была... воплощением всей подлинности,

добра и красоты, великим Словом оправдания мировой истории перед Богом и человечеством» [4, с. 142].

Смысл революции, по Степуну, в следующем: во-первых, любая революция есть социально болезненное явление, есть «болезнь прерыва эволюции». Революция – это культурный, социальный, политический «откат назад», «задний ход» истории. Ускорение эволюции свойственно не революционному, а пореволюционному периоду. «Всякая эволюция, – считал Ф.А. Степун, – держится единством национальной культуры, единством национального сознания; революция же знаменует собою разрыв этого единства: сначала в сознании революционеров, а затем уже – и в самом бытии народов. Пока классы – держатели старых ценностей, классы – хранители старых форм культуры и восходящие к власти новые классы борются друг с другом лишь за разные формы воплощения общего для них духовного содержания, до тех пор революция, в точном и узком смысле этого слова, быть не может. С момента же, в котором борьба из-за формы культуры накаляется до того, что раскалывается надвое единство национального сознания – революция уже налицо, иногда задолго до баррикад и казней» [7, с. 482].

Во-вторых, любая революция есть «ряд разрушительных актов». Революция идёт от критики к разрушению существующего строя. Ф.А. Степун разделял точку зрения З. Фрейда, который писал: «Мы вынуждены признать, что никакое событие не было так разрушительно для столь многих общечеловеческих ценностей, не вводило в заблуждение многие светлейшие умы, не унижало так наши святыни, как война» [7, с. 21-29]. Чем же разрушительная стихия разбоя отличается от разрушительной стихии революции? «Разница в том, – утверждает Ф.А. Степун, – что все разрушительные акты революции являются разрушительными актами лишь в субъективном

сознании революционеров, в объективном же духе, как сказал бы гегельянец, они являются актами созидательными... Разрушение, производимое революцией, потому только и есть революционное разрушение, что оно вовсе не есть только разрушение, а есть через разрушение осуществляющее себя творчество» [7, с. 484]. Ф.А. Степун также отмечал неоднозначное влияние революции на дух русской культуры. Философ писал: «вследствие этого Россия обрела как бы двойное лицо, которое, с одной стороны, пробуждает великие надежды, с другой – внушает страх и беспокойство» [6, с. 155-165].

Важным теоретическим положением его концепции является положение о зачинщиках революций. В объективно-историческом смысле зачинщиками революций являются представители правящих классов, в среде которых всегда начинается процесс разложения национального сознания. Потускневшие социокультурные ценности утрачивают своё значение, превращаются во властный инструмент насилия, борьбы с восходящими к жизни новыми социальными классами. «Народная революция, – замечает Ф.А. Степун, – в сущности, никогда не взрывает подлинных твердынь господствующей культуры. Она лишь по брёвнышкам да кирпичикам разносит и прахом развеивает обездушенный остов уже мёртвой жизни» [7, с. 483]. Все большие революции начинались с революционных поджогов господствующего мирозерцания.

Ещё одно важное теоретическое положение «концепции революции» Ф.А. Степуна – это осмысление проблемы соотношения между «идеями революции» и «революционной идеологией», а также между идеями «революционной» и «реакционной» идеологий. Он утверждает, что идеология – это всякая теория, любое построение теоретического сознания, идея же – это наше бессознательное переживание. «Правы и нуж-

ны в жизни только те идеологии, которыми органически зацветают идеи, то есть те, которые представляют собой точные теоретические описания духовно-реальных процессов. Вредны же и лживы те, что реют в воздухе, за которыми не стоит никакой духовной реальности, ... которые возгораются не от вечного пламени священного очага жизни, а от случайно попадающих в мозг искр и отсветов чужих идеологий» [7, с. 486]. Они представляют собою большую опасность для социальной жизни, создают идеологические эпидемии, идеологические моды, которые расшатывают устои социальной жизни. «Все революции роковым образом, – утверждал Ф.А. Степун, – описывают один и тот же порочный круг: разрушают в процессе своего развития те принципы, во имя которых начинают свой путь» [7, с. 488]. Это объясняет и причины появления реакционных идеологий. «Революция есть инерция упорного отставания мёртвых идей» [7, с. 489]. «Круговорот» идеологий ведёт к тому, что все революционные идеологии с годами перерождаются в идеологии реакционные. «Революция рождается всегда из реакции», а реакция есть инерция упорного отставания мёртвых идей. Чем быстрее распадаются в предреволюционные эпохи старые идеи, тем пышнее расцветают реакционные идеологии. Попытка возрождения позавчерашних идеологий есть верный признак агонии. Трагедия всех реакционных идеологий есть одновременно и трагедия революционных. «Если все революционные идеологии попадают в конце концов под колёса ими же пущенной в ход революционной машины, то это объясняется, в первую очередь, конечно, зависимостью радикально-революционных идеологий от идеологий реакционных» [7, с. 489].

Ф.А. Степун вводит в научный оборот ряд новых категорий относительно понимания исследуемой проблемы, напр.: «метафизическое малодушие», «культурно-политическая инфляция».

«Метафизическое малодушие», по мнению Ф.А. Степуна, есть последняя сущность всех революционных идеологий, возникает на основе недоверия к органическому вызреванию идей. «Новая идея только ещё зарождается в объёмах старой, умирающей. Новая идеология как точная формула вызревающей идеи, – ещё не дана. Ситуация требует величайшей осторожности, напряжённого всматривания в брезжащие контуры намечающегося мира. Но революционная энергия рвётся вперёд: вымогает у ещё немой идеи красноречивую идеологию; выдумкою убивает мысль... Остаётся одно – строить революционную идеологию в качестве реакции – наоборот» [7, с. 489].

«Культурно-политическая инфляция» – это характерное явление предреволюционных эпох. Суть её Ф.А. Степун видел так: «Идей нет; во всяком случае, они настолько на убыли, что не господствуют в общественно-политической жизни» [7, с. 489-490]. Господствуют «бумажные идеологии», не обеспеченные идейно-подлинными переживаниями. «Восстание жизни против этого господства смерти и есть революция. В буре и хаосе восстает идея жизни против всех идеологических насилий над ней... Революция как таковая, в отличие от сопряжённой с ней ускоренной эволюции, ни в какой мере и степени не оказывает никаких предпочтений новому перед старым» [7, с. 489-490].

Определение движущих сил революции – ещё одно значимое теоретическое положение в «концепции революции» Ф.А. Степуна. Исторически главной силой революции всегда считалась масса, но это «не есть понятие большого числа». Тысячный конгресс учёных, многотысячная толпа новобранцев – не масса. Масса революции определяется не количеством голов, а состоянием мысли и чувств в этих головах. Чем масса отличается от банды? Ведь в обоих случаях человек, отдающий себя массе,

неизбежно превращается в какое-то стадное существо: утрачивает индивидуальность, пробуждаются зверские инстинкты, круговая безответственность, эпидемия преступности и т. д. Разница между массой и бандой не сводима к различию идеологий (миросозерцаний) и к различию психологий. Банды тоже могут быть как правыми, так и левыми, обладать схожей психологией. Различие между революционной массой и бандой следует искать в объективном смысле творимого ими разрушения. «Разрушение, творимое массами, – считал Ф.А. Степун, – и прежде всего интересующими нас революционными массами, всегда таит в себе какие-то созидательные энергии; своим остриём оно направлено против действительного зла, и потому оно, часто само не зная, использует некую исторически необходимую функцию. Разрушение же, творимое бандами, лишено этой внутренней диалектики; для него характерна не чуткость к воле истории, но глухота по отношению к её требованиям... Всякий бандитизм всегда анархичен и субъективен. Массовые же акты в последнем счёте, в исторической перспективе объективны и бескорыстны» [7, с. 492]. Только в этом понимании, полагал Ф.А. Степун, утверждение, что революцию творят массы, будет верным.

Ф.А. Степун признавал роль пролетарских масс в революции, но предостерегал от преувеличения её руководящей силы. Его аргументы таковы: во-первых, «пролетариат не может считаться главным субъектом революционных «прерывов» эволюции, ибо он является бессмысленным субъектом эволюционного становления социально-политической справедливости» [7, с. 492]. Во-вторых, революция творилась «не столько силами самого пролетариата, сколько вовсе не пролетарскими силами, действующими от имени пролетариата и во имя его. Эти не пролетарские, да и вообще, с классовой точки зрения, неопределимые,

в гораздо более глубоких психологических пластах таящиеся силы связывают себя, конечно, с делом пролетариата (действуют от его имени), но вызывают в самом пролетариате вовсе не специфические пролетарские, а общечеловеческие энергии» [7, с. 493]. Итак, по Ф.А. Степуну: «Подлинным субъектом революции является, таким образом, не класс..., а некий особый дух, дух нетерпения, дух отчаяния, дух преступления, дух утопизма и фантастики. В связи с определённой исторической обстановкой дух этот как бы нисходит на определённую социальную базу. В случае его нисхождения на ту социальную базу, на которой ведётся прогрессивная социально-политическая работа, направленная против лжи и греха прошлого, разрушительное дело его приобретает... положительное значение массового акта...» [7, с. 493].

Важным теоретическим положением «концепции революции» Ф.А. Степуна являлось определение «структуры революционного духа», поиску движущих сил революции. Он говорит о трёх отличных друг от друга революционных слоях, связанных между собой. «Первый слой – тот, который условно можно назвать биологической революцией. Он развёртывается энергией молодёжи. Второй слой – тот, что уже давно назван криминальной революцией. Он развёртывается преступными элементами, играющими во всех революциях весьма существенную роль» [7, с. 493]. Третий слой – «особые демонические силы» [7, с. 493]. Главная роль в революции принадлежит молодёжи. Ф.А. Степун разделял мнение С.Н. Булгакова о «пэдократии» (буквально «господство, власть детей»). «Духовная пэдократия есть величайшее зло нашего общества, – замечал С.Н. Булгаков, – <...> Кто радеет о будущем, тот больше всего озабочен молодым поколением. Но находиться от него в духовной зависимости, заискивать перед ним, прислушиваться к его мнению, брать его за критерий, – это

свидетельствует о духовной слабости общества» [1, с. 157]. Активность молодёжи в революции очевидна, так как это освобождение от авторитетов, борьба с господствующим мнением текущего дня. «Молодёжи всегда свойственно мужество разрушения: у неё много времени впереди, и она убеждена, что успеет построиться, – утверждал Ф.А. Степун, – <...> Она вносит в революционную борьбу идеализм и жертвенность, но также и дух утопической мечтательности, дух безответственного прожектёрства. Сочетанием этих качеств она и творит дело революции, дело кровавой переоценки всех ценностей» [7, с. 494].

Второй слой структуры революционного духа, по мнению Ф.А. Степуна, составляли преступники, те, кого революция освобождает из тюрем и мест заключения. Ф.А. Степун делил преступников на две группы: уголовных и политических, каждая в свою очередь делилась на подлинных преступников и «несчастных». Среди уголовных преступников – это те, кто кражей добывает себе хлеб и на убийствах строят своё благополучие (это профессионалы преступлений). «Несчастные» – это те, кто крадут с голоду и убивают от отчаяния. Среди политических преступников – это «равнодушные к реальному страданию своих ближних профессионалы революционного мародёрства, самолюбивые спортсмены террористической борьбы». «Несчастные» среди политических – это почти святые люди, идущие на подвиг революционной борьбы во имя любви к угнетённому человечеству [7, с. 494-495].

Третий слой рассматриваемой «структуры революционного духа» наиболее сложен. Это люди, наделённые особой демонической энергией человеческой души, с особой «метафизической печалью и тяжестью на сердце». Революция открывает этой тоске все двери настежь. Неизжитые мечты, неосуществлённые желания, загнанные в подполье страсти вырываются

наружу, начинается погоня за химерами. Мечты о прекрасной даме разрушают семьи, прекрасные дамы оказываются проститутками, журналисты становятся генералами и т. д. Происходит своеобразная театрализация революционной эпохи, смесь жестокости и сентиментальности [7, с. 496-497]. Итак, мы видим, что в революции участвуют многие, но на вопрос «Кто делает революцию?» Ф.А. Степун отвечает: «Никто её не делает, но она со всеми нами случилась. Дух разрушения осилил наше творчество, потому что наше творчество не было в достаточной степени духовно напряжено. Вина на разных слоях и на разных людях предреволюционной эпохи разная, но ответственность у всех одна» [7, с. 498].

Подводя итог сказанному, можно сделать выводы: во-первых, основную причину («корень») революции Ф.А. Степун видел в распаде единства национального сознания, который обусловлен возрастанием лжи и бессилия в предреволюционную эпоху. «Из этого следует, что путём к её преодолению должен быть путь национального единства» [7, с. 501]. Во-вторых, смысл революции должен быть общим смыслом, смыслом для всех, возвышающимся над всеми партийными разногласиями. А таковым может быть только религиозный смысл, который вытекает из двойственного отношения к революции. «Моё отношение к революции (как и к войне), – писал Ф.А. Степун, – остаётся, таким образом, двойственным. Да, желать революции – грех и безумие, идти на неё можно, только моля Бога, чтобы она не случилась. Но когда она неизбежна, идти на неё нравственно обязательно, как на грех, который искупить ничем нельзя, но который Бог может простить» [7, с. 498].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука, 1991. – 285 с.
2. Кантор В.С. Ф.А. Степун: российская мысль в контексте европейских катаклизмов / Вопросы философии. № 3. – 1999. – С. 112-137.

3. Мазирка И.О. Философские аспекты влияния войны на концептосферу личности и её языковую картину мира // З. Фрейд. Размышления о войне и смерти // Архетип. – М.: Изд-во Гуманитарий, 1995. – №2. – С. 17-24; Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». № 2. – 2008. – С. 21-29.
4. Степун Ф.А. Борьба либеральной и тоталитарной демократии вокруг понятия истины / Вопросы философии. № 3. – 1999. – С. 137-145.
5. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. – Лондон, 1990. – Т. 2. – 360 с.
6. Степун Ф.А. Дух, лицо и стиль русской культуры / Вопросы философии. № 1. – 1997. – С. 154-166.
7. Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. – М.: Астрель, 2008. – 807 с.
8. Степун Ф.А. Россия накануне 1914 года // Вопросы философии. № 9. – 1992. – С. 85-121.